

Интервью официального представителя Следственного комитета России Владимира Маркина «Российской газете»

За год в СКР поступило более 80 тысяч сообщений об экономических преступлениях

За год в стране возбуждено 200 тысяч так называемых экономических уголовных дел, но приговорами судов заканчиваются лишь 15 процентов из них. Эти тревожные цифры прозвучали в Послании президента Федеральному Собранию. Глава государства подчеркнул, что страдают от такого качества следствия в первую очередь предприниматели, которые часто лишаются своего бизнеса. О том, как расследуются экономические уголовные дела в Следственном комитете России «Российской газете» рассказал официальный представитель ведомства Владимир Маркин.

Владимир Иванович, чем можно объяснить, что у нас по стране возбуждается много уголовных дел об экономических преступлениях, но итоговый результат не высокий?

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Владимир Маркин: Проблемы при расследовании экономических преступлений, конечно же, есть и надо немедленно искать пути их решения. Но чтобы объективно оценить и понять эту ситуацию, вначале хотел бы напомнить, что расследованием таких преступлений занимается несколько ведомств. В российском Уголовном кодексе более 70 статей в разделе «преступления в сфере экономики», но следователи Следственного комитета безальтернативно расследуют только 17 из них. Это налоговые преступления, блок, связанный с оборотом ценных бумаг, а также фальсификацией финансовых документов и статья о незаконной организации азартных игр.

Все остальное расследуют подразделения других ведомств, за исключением случаев, когда мы выявили эти преступления в рамках расследования своих уголовных дел, либо когда к ним причастны сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие или лица особого правового статуса - депутаты, адвокаты, судьи и так далее. Помните, например, дело бывшего главы ФСИН Александра Реймера? Ему вменяется статья «мошенничество». А это подследственность органов внутренних дел. Но так как он на момент совершения преступления являлся должностным лицом, то уголовное дело в отношении него находится в производстве СК России. Но все же в общем массиве экономических преступлений мы расследуем лишь небольшую их часть.

И сколько уголовных дел из 200 тысяч приходится на долю Следственного комитета?

Владимир Маркин: В 2014 году мы возбудили 37 тысяч уголовных дел по экономическим составам, то есть лишь одну пятую от общего количества. При этом важно понимать, что мы не ставим себе цель выполнить некий план по возбуждению таких дел, а принимаем решения только по конкретным фактам. Причем могу сказать, что сообщений о преступлениях этой категории в прошлом году к нам поступило гораздо больше - около 80 тысяч. И, как видите, меньше чем в половине случаев мы возбудили уголовные дела. Дело в том, что мы не гонимся за количественным показателем, для нас важнее качественный результат. И в основе наших дел лежат материалы оперативных, контролирующих и надзорных органов, которые мы тщательно проверяем, анализируем. И только удостоверившись в наличии признаков преступления следователи возбуждают уголовные дела. Не отрицаем, что и здесь есть определенные проблемы, так как по возбужденным делам были и необоснованные решения, но их не так много - 0,4 процента - то есть 146 дел.

Но ведь эти необоснованно возбужденные дела отменили?

Владимир Маркин: А как же иначе? Постановления о возбуждении таких дел сразу же были отменены прокурорами. Для этого и существует еще один, если так можно выразиться фильтр в виде надзорного ведомства, позволяющий уже на ранней стадии контролировать законность решений, принимаемых следствием.

А те дела, которые расследовались в прошлом году, это в основном единичные факты каких

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

либо хищений или есть сложные многоэпизодные дела?

Владимир Маркин: Здесь надо разъяснить некоторые процессуальные моменты. Например, мы отдельно возбуждаем несколько дел по фактам уклонения от уплаты налогов. Потом выясняется, что все эти преступления совершены одним лицом, или группой лиц в соучастии. В этом случае мы соединяем все эпизоды в одном производстве, и на выходе это получается одно уголовное дело. Например, во Владимирской области сейчас с материалами дела знакомятся предприниматели, которые являются фигурантами подобного дела более чем из 10 эпизодов. Они обвиняются в том, что действовали как преступное сообщество и причинили ущерб государству на сумму более 250 млн рублей. И вот такие многоэпизодные дела мы в основном и расследуем в Следственном комитете. В прошлом году порядка 40 процентов уголовных дел были соединены в одном производстве с другими.

И все эти дела в итоге направили в суд? Или по общей тенденции туда дошли только пятая часть, а еще половина развалилась в ходе судебного разбирательства?

Владимир Маркин: Да действительно, общая картина по направленным в суд делам и столь небольшой процент приговоров наводят на определенные вопросы, но несмотря на это, по уголовным делам Следственного комитета мы наблюдаем иную картину. В прошлом году наши следователи направили в суды 18,7 тысячи уголовных дел, и это далеко не пятая часть, а почти 70 процентов от всех дел этой категории, которые находились у них в производстве. При этом часть дел была прекращена, часть передана по подследственности, и, конечно же, некоторое количество продолжили расследовать уже в текущем году.

Если проанализировать прекращенные дела, то по каким основаниям они в основном прекращались?

Владимир Маркин: Закон закрепляет четкие основания для прекращения уголовного дела, среди которых отсутствие состава, события преступления, истечение сроков давности и ряд других. Естественно решение о прекращении - это не какая-то прихоть следователя. При определенных условиях он просто обязан это сделать. Также мы должны исполнять постановление Госдумы об амнистии. И в прошлом году именно по амнистии было прекращено 3 тысячи уголовных дел, причем более половины по нереабилитирующим основаниям. Это значит, что преступление действительно было совершено, его обстоятельства установлены следствием, то есть по сути доказаны, но государство фактически прощает фигуранта такого дела в силу соответствующего решения законодателя.

Что наиболее важное в расследовании этих преступлений? Вы разделяете позицию, что обвиняемых по таким делам лучше не отправлять в тюрьму, а заставлять возмещать ущерб в полной мере?

Владимир Маркин: Я согласен с тем, что исправительная колония - не самый действенный

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

метод для осужденных за экономические преступления. Но здесь тоже нужен индивидуальный подход. Если человек совершает преступление впервые, если нет тяжких последствий, это одно дело. Другое дело, когда вроде бы на первый взгляд экономическое преступление, но совершают его в составе преступного сообщества, четко планируют, затем реализуют 10 эпизодов. Чувствуете разницу? Но все же важным тут в любом случае является возмещение ущерба. По делам Следственного комитета за прошлый год потерпевшим возвращено более 21 миллиарда 300 миллионов рублей, а это примерно треть от общей суммы причиненного ущерба. Где-то следователи изымали и возвращали средства, где-то обвиняемые делали это добровольно. Конечно, вы можете справедливо упрекнуть, что это всего лишь часть. Но обвиняемые сейчас используют столь хитрые схемы хищений и вывода денег за рубеж, что бывает вернуть их крайне сложно. Особенно если они их там еще и инвестируют, как, например, бывший министр финансов Московской области Алексей Кузнецов. Но могу заверить, что по всем экономическим делам наши сотрудники делают все возможное, чтобы возместить потерпевшей стороне причиненный ущерб. Вот буквально на днях в рамках уголовного дела один из крупнейших налогоплательщиков Московской области ЗАО «НПО «Спецнефтегаз» возместил ущерб, причиненный государству, в размере более 787 млн рублей. Иногда вас упрекают, что даете слишком много информации по делам еще до вынесения приговора, выдаете острые комментарии. Идет ли на пользу такая политика открытости? Владимир Маркин: Ведь когда я говорю о возбуждении того или иного дела, это делается не для того, чтобы кого-либо опорочить. Наше общество должно видеть, что и как мы делаем, и ни у кого не должно быть сомнения и соблазна «по-тихому» замять какое-либо дело. Это одна из причин такой открытости Следственного комитета. Мы задали этот тон с момента создания ведомства, и считаем, что так же открыто должны признавать свои ошибки. И возвращаясь к экономическим делам еще раз повторяю, у Следственного комитета нет цели возбуждать как можно больше дел, а тем более «кошмарить» бизнес. Не могу отвечать за коллег из других ведомств, но готов ответить за действия наших следователей, так же как и принять замечания в их адрес на свой счет. Ведь тот, кто принимает критику, ему легче двигаться дальше. В то же время у общества не должно быть иллюзий. Иначе сказать, чтобы наша работа не отражалась в кривом зеркале, мы стараемся по возможности аргументированно и с фактами на руках отвечать на любую критику, а в некоторых случаях признавать ее правомерность и делать все для исправления ситуации.

Наталья Козлова, "Российская газета" - Федеральный выпуск №6854 (283) от 14.12.2015

04 Декабря 2015

Адрес страницы: <https://sledcom.ru/press/interview/item/999591>

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации
